

Л. Л. КАРПОВА (Ижевск)

ФОНЕТИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ В СЕВЕРНЫХ ДИАЛЕКТАХ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА

Abstract. Phonetic Differences in the Northern Dialects of the Udmurt Language

The article is devoted to the analysis of specific phonetic phenomena recorded in the Northern dialects of the Udmurt language. Special attention is paid to characteristics which distinguish between separate Northern Udmurt dialects, on the one hand, and/or have a limited distribution in the group of the investigated dialects, on the other hand. Linguistic facts of the Northern dialects are compared with similar phenomena in other Udmurt patois.

Keywords: Udmurt language, Northern Udmurt dialects, phonetics.

0. В последние десятилетия севернoudмуртский языковой ареал стал объектом интенсивного изучения в удмуртской диалектологии. В пределах севернoudмуртского наречия исследователи выделяют три группы говоров (или диалектов): верхнечепецкие, среднечепецкие, нижнечепецкие. Наиболее изучен среди них среднечепецкий диалект, своеобразие которого нашло освещение в трех монографиях автора (Карпова 1997; 2005; 2013). Что касается верхнечепецкого и нижнечепецкого диалектов, то по ним имеются лишь отдельные статьи, посвященные в основном частным особенностям конкретного говора (Алашеева 1982 : 91—105; 1990 : 8—10; Каракулов 1982 : 106—115; Тепляшина 1970 : 156—196; Карпова 2009 : 215—218; 2011 : 98—106). Рассматриваемые диалекты имеют много общего, что позволяет объединять их в одну севернoudмуртскую группу. Наличие общих черт объясняется, прежде всего, этнической и исторической общностью их носителей, территориальной близостью, а также культурно-экономическими связями. Тем не менее, в языковой системе причепецких диалектов встречаются различия, которые в определенной степени способствуют дальнейшему дроблению северного наречия на диалекты и говоры. Языковые особенности, общие для диалектов севернoudмуртского наречия, нашли отражение в ряде публикаций (см. Кельмаков 1981 : 32—36; 1998 : 161—172; Алашеева 1990 : 8—9).

Предлагаемое исследование посвящено описанию фонетических различий в диалектах севернoudмуртского языкового ареала. Источником по среднечепецким и верхнечепецким говорам послужили полевые за-

писи автора, материалы по нижнечепецким говорам заимствуются из статьи Т. И. Тепляшиной (1970 : 156—196). Особое внимание уделяется специфическим явлениям, свойственным отдельным севернудмуртским диалектам, с одной стороны, и/или имеющим ограниченное распространение в группе говоров исследуемых диалектов, с другой. Фактический материал анализируется и интерпретируется, по возможности, в контексте удмуртского диалектного континуума.

1. Фонетические особенности, характерные для ряда групп севернудмуртских диалектов.

1.1. Система гласных севернудмуртских диалектов представлена семью гласными: *a* [a], *э* [e], *ө* [ɛ], *и* [i], *о* [o], *у* [u], *ы* [ɨ]. Первые шесть фонем артикуляционно и акустически не различаются по всем причепецким диалектам. Отличие составляет лишь фонема *ы*. В верхнечепецких и нижнечепецких говорах она функционирует в одном варианте — *ы* [ɨ]. В среднечепецком диалекте данная фонема выступает в трех производительных вариантах: *ы* [ɨ], *ь* [ɨ̣], *ы̆* [ɨ̆]. Заметим, что употребление вариантов не одиноково в говорах среднечепецкого диалекта: *ь*, не имея позиционных ограничений, закономерно функционирует в юкаменском говоре и кожильском подговоре глазовского говора: *пърьнь* 'ночевать', *пöйань* 'обмануть'. Гласный *ы* характерен преимущественно для носителей ярского говора: *кытын* 'где', *нылыд* 'твоя дочь'. Вариант *ы̆* встречается в основном на стыке ареалов распространения *ь* и *ы*. Данный звук обнаруживается в отдельных населенных пунктах понинского подговора глазовского говора, также в некоторых селениях ярского говора: *гырпин'* (Ис.) 'коренной зуб', *ныл* (Кач.) 'девочка, девушка'. Причина веляризации *ы* в *ь* в удмуртских диалектах традиционно объясняется влиянием тюркских языков. В. К. Кельмаков в более поздних работах склоняется к мысли, что данное явление объяснимо собственными законами развития языка, а тюркское влияние — лишь дополнительный фактор в этом процессе (Кельмаков 1993 : 20). В среднечепецком диалекте в развитии *ы* в *ь* сопутствующим фактором, как мы полагаем, оказалось влияние бесермянского языка, поскольку заднерядный вариант *ь* наблюдается в основном в тех говорах, носители которых соседствуют с бесермянским населением. В языке бесермян эта общеудмуртская фонема выступает в единственном варианте — *ь*.

1.2. Особенностью среднечепецкого и нижнечепецкого диалектов является сохранение в их консонантной системе общепермского анлаутного звука *ц перед гласным *a*. Этот звук встречается примерно в 40 словоформах. Приведем некоторые из них: *йачэ* 'двое; вдвоем, на пару', *йал'эс* 'постель', *йамэнэс* 'упрямый', *йамыштыны* 'шагнуть' и т. д. Примеры: сч. *й а л' л' а н ь чэ* *обычай вал. музейэм кöса кэ ин'и ужо, акайашка карэм бэрэ, ужэ уйшорьс'эн мьно н'и калькйос на пос'эв* (Ад.) 'Р а н ь ш е был такой обычай. Если земля подсыхает уже, после проведения Акайашки уже с полуночи идет народ на посев'; нч. *w а л' л' о кэд'ы н'ан' кыл'ок öз с'и-ылэ* 'П р е ж д е белый хлеб не часто ели' (Тепляшина 1970 : 190). Заметим, что в верхнечепецких говорах данный звук практически не встречается, за исключением говоров северо-западной части Кезского района (гыинский, александровский говоры). Примеры: *выл' гöййын й а ч э ми ули-мы мужикэным* (СГыя) 'В Новой Гые в д в о е м с мужем мы жили'; *кэс'а-зы со вуж*

коркайэз, *й а л' л' а л а корйосыз ал'и но зэчэс' на* (Алек.) 'Разобрали тот старый дом, старинные бревна и до сих пор хорошие'. Инициальный неслоговой *й*- в сочетании *йа* исследователи возводят к праперм. **у*- (Uotila 1933 : 63—70; Лыткин 1964 : 24), который впоследствии в разных диалектах удмуртского и коми языков претерпел изменение и реализовался в различные звуки. В большинстве удмуртских диалектов его заместил согласный *в*-, общеперм. **у*- сохранился лишь в отдельных периферийных говорах (Тараканов 1964 : 78; Кельмаков 1993 : 35—36; 1998 : 85) и в бесермянском наречии (Тепляшина 1970а : 119).

Регулярность употребления *й*- у разных возрастных групп северных удмуртов различна: наиболее последовательно он отмечается в речи представителей старшего поколения, в речи молодежи (вероятно, под влиянием литературного языка) встречается редко и заменяется губно-зубным *в*-.

1.3. В среднечепецком и нижнечепецком диалектах имеет место озвончение глухих согласных перед губно-зубным *в*: нч. *шуньд ву*, сч. *шуньд ву* (< *шуньт ву*) 'теплая вода', нч. *лызву*, сч. *лззву* (< *лысву*) 'роса', нч., сч. *даз вит'* (< *дас вит'*) 'пятнадцать' и т. д. Примеры: сч. *шунды пукс'эмйа*, *шунды жуужамйа*, *лызвуйа*, *ван'зэ ог-огзэ гэрзаса*, *тодыли-зы*, *погода кычэ луоз шуса* (ВСл.) 'По заходу солнца, по восходу солнца, по росе, связав всё друг с другом, определяли, какая будет погода.'; *д'эрэви'амы даз вит' коз'а-йство луыччоз' нэ будылиз* (Оз.) 'Деревня наша до пятнадцати хозяйств только доходила ('увеличивалась')'. Это явление в северноудмуртских говорах в свое время было замечено еще В. М. Вахрушевым (1959 : 233). Как показывают исследования последних лет, на территории распространения северного наречия данный процесс не отмечается в верхнечепецких говорах. Озвончение глухих согласных перед *в* широко распространено в соседнем бесермянском наречии (Тепляшина 1970а : 151—153). В северноудмуртских говорах источником для развития рассматриваемого явления, по справедливому замечанию Т. И. Тепляшиной, могло послужить влияние бесермянского языка (1970а : 153). Данные по среднечепецкому диалекту также свидетельствуют в пользу этого предположения: озвончение этимологических глухих согласных перед *в* более последовательно обнаруживается в тех говорах, носители которых живут в ареале бывшего и нынешнего более плотного расселения бесермян.

В среднечепецком диалекте встречаются единичные случаи озвончения первичных глухих согласных в интервокальном положении и в соседстве с сонорными: *тага* (ср. лит. *така*) 'баран', *грэчуга* (Ан. Бач. Дон. Ел. Кос. Куз. Оз. Пыш. Чаб.), *грэчига* (Дон.) 'гречиха', *пин' долгань* (ср. лит. *пинь долканы*) 'набить оскомину', *чэрн'ига* (Байд. ВБог. ВУн. Дон. Ел. Ер. Кос. Коч. Куз. Лум. Мос. От. Пус. СБез.) 'черника', *брусн'и-га* (ВБог. Дон.) 'брусника'. Примеры: *тага вандьли-зь н'и Ил'йин Д'эн'э*, *въл' н'ан' пьжьли-зь* (Ер.) 'Барана закалывали уже на Ильин день, с нового урожая (новый) хлеб выпекали'; *кудымул'ы шуо чэрн'и га й э з бод'йа палан* (Байд.) 'Кудымульы [по-удмуртски] называют чернику в якшур-бодьинской стороне'. В нижнечепецких и верхнечепецких говорах данное фонетическое явление

не встречается. Из других удмуртских диалектов оно наблюдается в языке бесермян (Тепляшина 1970а : 153—154), в бавлинском (Тараканов 1960 : 139) и закамских говорах (Насибуллин 1973 : 66—67).

Т. И. Тепляшина (1970а : 155), указывая на наличие аналогичного озвончения этимологических глухих согласных в татарском, башкирском и чувашском языках, возводит это явление в языке бесермян к древнебулгарскому субстратному наследию. Несколько иного мнения, которое нам представляется более обоснованным, придерживается В. К. Кельмаков. Он полагает, что «в свете данных периферийно-южных диалектов рассматриваемое фонетическое явление в языке бесермян, как и в бавлинском, кукморском диалектах и закамских говорах, должно быть объяснено как результат позднего самостоятельного развития под непосредственным влиянием соответствующих диалектов татарского языка» (Кельмаков 1985 : 117—118).

1.4. Для среднечепецкого и нижнечепецкого диалектов характерна палатализация согласного *t* перед переднерядным *i*. Регулярно это происходит в показателе переходного падежа, в некоторых наречиях и наречных словах на *-t'i*: сч. *корка(ъ)г'и*, нч. *коркат'и* (ср. лит. *коркаетй*) 'по дому'; сч. *ул'ча(ъ)г'и*, нч. *ул'чат'и* (~ *ул'чээт'и*) (ср. лит. *ульчаетй*) 'по улице'; сч. *от'и* (~ *от'*), нч. *от'и* (~ *сот'и*) (ср. лит. *отй*) 'там, по тому месту'; сч. *тат'и* (~ *тат'*), нч. *тат'и* (ср. лит. *татй*) 'здесь, по этому месту'. Примеры: сч. *та т'и вэт' трак ой вал. у л' ч а т' и, гоп йа-мэн вэтлылы-зы За-болотно йэ* (Кел.) 'Здесь ведь тракта не было. По улице, через овраг ходили в Заболотное'; нч. *сот'и пырэ, тат'и потэ* 'Там входит, здесь выходит.'; *вэттэм сурэсыт'и ик мыном кал'* 'Пойдем по той же дороге, где шли' (Тепляшина 1970 : 193). В верхнечепецких говорах смягчение согласного в указанных случаях не происходит. Развитие этого процесса в среднечепецком и нижнечепецком диалектах, вероятно, можно объяснить влиянием бесермянского языка, где данное явление широко распространено.

В среднечепецком диалекте, помимо указанных случаев, палатализация *t* отмечается и в суффиксе порядковых числительных *-э-т'и*: сч. *вит'э-т'и* (ср. лит. *витетй*) 'пятый', *тамьсэ-т'и* (ср. лит. *тямысэтй*). Примеры: *с'урс окмьс с'у к'уамьн одигэ-т'и арьс'эн гинэ гуртмь кутскэ н'имаск'нь К'чон* (Кыч.) 'Только с тысяча девятьсот тридцать первого года наша деревня стала именоваться Кычён'; *мон вордискэмьн с'урс укмьс с'у к'уам'н'э-т'и ар'нь к'эз' к'эктэ-т'и в август'э Байран гурт'нь, Йука-мэнский район'нь* (Байр.) 'Я родился двадцать второго августа тысяча девятьсот тридцатого года в деревне Байран, в Юкаменском районе'. Подобное смягчение в указанной позиции в верхнечепецком и нижнечепецком диалектах не встречается.

1.5. В среднечепецких и нижнечепецких говорах имеет место ассимиляция *й* суффиксального слога или внутри корня (в заимствованиях) предшествующими согласными *н, н', л, л', д, д', т, т', с', з'*: *пукон'нос* (< *пуконйос*) 'стулья', *вал'л'ос* (< *валйос*) 'лошади', *лыд'д'аны* (< *лыдйаны*) 'считать', *плат'т'а* (< *плат'йэ*) 'платье' и др. Примеры: сч. *тин'и сы'чэ кылйосын кэл'ал'л'а-зы бу скэ л' л' о с ы з пийэз армийэ* (Уш.) 'Вот с такими словами провожали односельчане парня в армию'; нч. *йун зок коршунэз, чэбэр. огн'аз. бур д' д' о с ы з с'ако*

пöртэм: кэд'ыо-вожо 'Коршун очень большой, красивый. Один. Крылья его разноцветные: бело-зеленого цвета' (Тепляшина 1970 : 194). В верхнечепецких говорах, как отмечает А. А. Алашеева (1990 : 10), ассимиляция *й* в указанной позиции не наблюдается. Однако во время экспедиций к кезским удмуртам в 2003—2009 гг. практически во всех обследованных говорах нами зафиксированы примеры на ассимилятивные изменения в русских заимствованиях: *варэн'н'а* (< рус. *варэн'ийэ*) 'варенье', *л'ин'н'а* (< рус. *л'ин'ийа*) 'линия', *пэчэн'н'а* (< рус. *пэчэн'ийэ*) 'печенье', *Ил'л'а* (< рус. *ил'йа*) 'Илья'. В отдельных населенных пунктах, территориально отдаленных друг от друга, в частности, в деревнях Новый Унтем, Фокай, Уди, Юрук, в селах Кулига, Полом выявлены единичные примеры ассимиляции и в словах удмуртского происхождения как на стыке двух морфем, так и внутри корня: *йэ-гит'т'ос* (< *йэ-гит'йос*) (НУн., Юр.) 'парни; молодежь'; *öд'д'аны* (< *öд'йаны*) (Кул., Пол., Юр., Уд., Фок.) 'надумал, затеял'; *льд'д'аскыны* (< *льд'йаскыны*) (НУн., Уд.) 'считать', *уд'д'аны* (Фок.) 'угощать спиртным; подавать спиртное', *искал'л'ос* (< *искал'йос*) (Пол.) 'коровы'. Примеры: *кыл'эм арын макэ вис'ын öд'д'а й* (Уд.) 'В прошлом году что-то я приболела ('с т а л а болеть)'; *пинал пыртонын куноослы пичил'тык вина у д'д'ало ни* (Фок.) 'На крестинах ребенка гостей чуть-чуть вином уже угощаю т'. Отметим, что ассимиляция *й* отмеченными предшествующими согласными широко представлена также в средневосточных (Бушмакин 1968 : 272) и отдельных периферийно-южных говорах (Кельмаков 1998 : 103—105).

Наиболее регулярно *й* подвергается ассимиляции после палатальных согласных, в позиции же после твердых согласных он может выступать с отдельными отступлениями и произноситься двояко. В фольклорно-диалектологических материалах Ю. Вихманна по глазовскому диалекту, записанных в конце XIX века, мы обнаружили лишь один пример на уподобление начального *й* суффикса множественного числа предшествующему мягкому согласному: *suaniños* (Wichmann 1901 : 8) 'участники свадьбы со стороны жениха'. В остальных случаях не только перед твердым, но даже перед палатальным согласным уподобление не наблюдается. Поэтому можно предположить, что процесс ассимиляции *й* в данной позиции начался в среднечепецком диалекте не так давно и продолжается в настоящее время. В определенной степени подтверждением этому служат примеры из других диалектов удмуртского языка в работах И. В. Тараканова (1960 : 122—125), С. К. Бушмакина (1968 : 271—272), В. К. Кельмакова (1977 : 39) и др. Уподобление *й* предшествующим мягким согласным широко распространено также во многих коми-зырянских (Лыткин 1961 : 38, 39; Жилина, Бараксанов 1971 : 44—45; Жилина 1975 : 38—39; 1985 : 23; Сорвачева 1978 : 28; и др.) и коми-пермяцких (Баталова 1975 : 53) диалектах.

1.6. В среднечепецких и верхнечепецких говорах, в отличие от нижнечепецких, в ряде указательных слов наблюдается выпадение гласных *ы* (*ы, ъ, й*), *и*, если им предшествуют палатальные согласные: вч., сч. *тан'* (< *тан'и*), нч. *тан'и* 'вот (здесь)'; вч., сч. *оз'* (< *оз'ы*), нч. *оз'ы* 'так; таким образом'. Примеры: сч. *с'ин ус'эмлэс' т а н' кирос нуллис'ко* (Пуд.) 'От сглаза в о т крест ношу'; вч. *и т и н' о з' с'экыт улон улыса мон ули* (Юс.) 'И в о т т а к тяжелую жизнь прожила я'. В яр-

ском и отчасти глазовском говорах среднечепецкого диалекта выпадение гласного *и* отмечается также в аффиксе переходного падежа *-т'и*: яр. *бакчат'* (~ *бакчат'и*), глаз. *бакчат'* (~ *бакчат'и*, *бакчаът'*, *бакчаки*), вч. *бакчати*, нч. *бакчат'и* 'по огороду'. Пример: *фэрмайэ мыни бакач а т', тин' забор вамэнки тэтси* (Оз.) 'На ферму пошла я по огороду, вот через забор перепрыгнула'.

2. Фонетические явления, имеющие нерегулярный характер и/или присущие только отдельным говорам исследуемых диалектов.

2.1. В кезском говоре верхнечепецкого диалекта отмечается ассимиляция гласного *ы* в непервых слогах отдельных слов, чаще всего в речи пожилого населения: кез. *пужум* (< *пужым*) 'сосна', *пуну* (< *пуны*) 'собака', *турун* (< *турын*) 'трава'; *пужумгуби* (НУн.) 'масленок (гриб)'. Примеры: *инмар пунулы с'отэм нырыс' н'ан'* (Уд.) 'Бог собака едал вначале хлеба'; *тат ваз'выл пэрэ'йос турун каро вал, ал'и л'эт'эрату-рно вэрало йэгит калык* (Пол.) 'Здесь раньше старики [траву по-удмуртски] *турун* называли, теперь по-литературному называет [это слово] молодежь'. В вокализме среднечепецкого диалекта подобная ассимиляция незначительна. В нашем распоряжении имеются лишь единичные примеры этого явления: *турун* (< *турьн*) (ВУн.) 'трава; сено'; *пужум* (< *пужьм*, *пужым*) (Бач., ВУн., Пыш., Ук., Юр) 'сосна'; юк., глаз. *усуань* (< *усьань*) 'боронить'. Что касается нижнечепецких говоров, то в материалах Т. И. Тепляшиной данное явление не зафиксировано.

2.2. В нижнечепецких говорах, а также в ярской и юкаменской группах среднечепецкого диалекта в сочетании *дэ*, встречающимся лишь в некоторых глагольных формах, аффриката *э* после звонкого согласного переходит в свистящий *з*. В верхнечепецком диалекте и глазовском говоре среднечепецкого диалекта, как и в большинстве удмуртских говоров, в сочетании *дэ* происходит полная регрессивная ассимиляция по месту и способу образования: нч., яр., юк. *адзэ*, глаз. *аэзэ* (ср. лит. *адзе*) 'видит'; нч., яр., юк. *кудзо*, глаз. *куззо* (ср. лит. *кудзо*) 'опьянею'; нч., яр., юк. *курадзиз*, глаз. *кураззиз* (ср. лит. *курадзиз*) '(он) мучился, страдал'; нч., яр. *лыдзэ*, юк. *льдзэ*, кож. *льззэ*, пон. *лыззэ*, *льззэ*, *лыззэ* (ср. лит. *лыдзе*) '(он) читает; считает'. Примеры: яр. *война вылын ми йун курадзи м, пут' вылын ужам, ой-ой!* (Диз.) 'Во время войны мы очень страдали, на [строительстве железнодорожного] пути работали, ой-ей!'; юк. *вожо вълн старикйос вэрал'ла-зэ мил'эм, што вчэ-вчэ атскэ шуса. пра-вда, вчэ атскэмэз мон одик пол гинэ адзи* (ВУн.) 'Во время Святок старики рассказывали нам, что такое видится. Правда, такое привидение я один раз только видел'; нч. *кудзэм йос шиаса вэтто, н'эномырлэс' но уг пуло* 'Выпиши и ебуянят (буяня ходят), ничего не боятся' (Тепляшина 1970 : 191).

2.3. В первом слоге перед палатальными согласными во всех северноудмуртских диалектах сохраняется первичный гласный *ы* на месте *и* в большинстве южных диалектов: *пыз'* (южн. *пиз'*) 'мука', *вил'* (южн. *вил'*) 'новый', *тыс'* (южн. *тис'*) 'зерно; семя'. В отдельных населенных пунктах юкаменского и ярского говоров среднечепецкого диалекта в нескольких словах в данной позиции спорадически употребляется *и* вместо ожидаемого *ы* (*ы*, *ь*, *й*): юк. (ВУн., НЕл., Пор., Пыш., Чур.), яр. (Мем., Ук.) *пиз'* 'мука'; юк. (НЕл., Пыш.), яр. (Бар., Диз., Дзяк., Ел.,

Куз., Тум, Ук., Юр) *биз'э* 'течет (о реке); выходит замуж'. Примеры: сч. *живот л'уктас'кот кэ, п и з' одик кырым гинэ с'оччас'код* (Пыш.) 'Если поишь скотину, м у к и всего одну пригоршню кладешь [в пойло]'; *двэ-ст'и грамм п и з' понна ужал'лам ми соку. а кал' л'экко ужало калькйос, кон'дон бас'то, и то ужамзэ ук пот* (Пор.) 'Ради двухсот граммов м у к и работали мы тогда. А сейчас легко работают люди, деньги получают, и то работать не хотят'. Подобное употребление в названных говорах, вероятно, возникло под влиянием бесермянского языка, в котором в указанной позиции рассматриваемые лексемы последовательно выступают с гласным *и*.

2.4. В среднечепецком диалекте имеют место случаи отпадения гласного *ы* в отдельных словах перед сонантами *л, н, р*: *слал* (< *сылал*) 'соль', *крэм* (< *кырэм*) 'овраг', *блафка* ~ *блафки* (< *булавки*) 'булавка'. По нашим сведениям, аналогичное явление спорадически встречается и в речи кезских удмуртов: (*ву*) *брэктэ* (< *бырэтэ*) (Кул., НУн., Уд.) '(вода) кипит'; *плас'кыны* (< *пылас'кыны*) (Кузьм., Юс.) 'умываться'; *крыж* (< *кырыж*) (Пол.) 'косой, кривой'; (*пуэз*) *троно* (< *тыроно*) (НУн.) 'дрова нужно сложить'; *блафки* ~ *былафки* (< *булафки*) (Паж.) 'булавка'; *слал* (< *сылал*) (Каб., Кул., Пол.) 'соль'; *слалтыны* (< *сылалтыны*) (Алек., Кул.) 'посолить'; *прак* (< *пырак*) (Кул.) 'прямо'. Примеры: сч. *кудн'ала тирмэ ой ку-тылы, с л о м э м н'и* (Байд.) 'Столько времени топор свой не брал [в руки], з а р ж а в е л уже'; кез. *кйарн'ан'э с л а л ёжыт понис'ко* (Каб.) 'В [тесто для выпекания] хвороста ('в хворост') с о л и немного кладу'; *со ад'амилэн ымыз но крыж вал* (Пол.) 'У того человека и рот был п е р е к о ш е н н ы й'.

2.5. В кезском и дебесском говорах верхнечепецкого диалекта наблюдается выпадение гласных в следующих случаях:

а) в середине слова: 1) конечного гласного *а* основы существительного перед падежным показателем в инессиве, элативе, эгрессиве: кез. *бакчын* (< *бакчаын*) 'в огороде', *школын* (< *школаын*) 'в школе', *конторыс* (< *контораыс*) 'из конторы', *фэрмыс'эн* (< *фэрмаыс'эн*) 'от фермы'. Примеры: кез. *б а к ч ы н ми ма но ум пу-ктис'кэ, ван' сутэрэз но, эмэз'эз но* (УЗяз.) 'В о г о р о д е мы чего только не садим, есть и смородина, и малина'; деб. *та к о р к ы н тан' мон улис'ко ни* (ЗМед.) 'В э т о м д о м е вот я уж живу'. Подобное явление не встречается в среднечепецком и нижнечепецком диалектах, не зафиксировано оно и в других удмуртских говорах; 2) конечного гласного основы *-ы* глаголов I спряжения перед суффиксами инфинитива при условии, если перед *ы* нет сочетания согласных: кез. *мынны* (< *мыныны*) 'идти', *выдны* (< *выдыны*) 'лечь, ложиться', *шудны* (< *шудыны*) 'играть', *вайны* (< *вайыны*) 'принести'. Примеры: кез. *мон к ё л н ы ваз' выдис'ко, курэгийосын чюш, вылды* (Юр.) 'Я с п а т ь рано ложусь, наверное, с курицами в одно время ('вместе)'; *мон но кон'дон ужан м ы н н ы поти пыдын* (Стен.) 'И я на заработки (деньги работать и д т и) отправился пешком' (Кельмаков 1981 : 91). Явление не совсем свойственно среднечепецкому и нижнечепецкому диалектам, но имеет широкое распространение в других удмуртских диалектах, в частности, в срединных говорах и отдельных южноудмуртских диалектах;

б) в абсолютном конце слова: 1) гласного *ы* в суффиксе показателя инфинитива (чаще всего): кез. *буйгатскын* (< *буйгатскыны*) 'успокоить-

ся', *ужан* (< *ужаны*) 'работать', *турнан* (< *турнаны*) 'косить', *вэран* (< *вэраны*) 'сказать', *бас'тын* (< *бас'тыны*) 'взять', *охотн'икан* (< *охотн'иканы*) 'охотиться'. Примеры: кез. *война вылти ысти-зы мил'эмды у ж а н с'икэ* (Пол.) 'Во время войны отправили нас р а б о т а т ь в лес'; *арэс-кы но зёк ёвёл на, ёй но ужа туннэ йоскад', нош д а р д о м ы н ёдйай ни н'эномыр лэс'тытэк* (Кул.) 'И годов [мне] не так уж много, и не работала еще сегодня как следует, а устала уже (у с т а в а т ь начала), ничего не делаю'. По нашим наблюдениям, выпадение гласного в суффиксе инфинитива чаще происходит, если инфинитив употребляется в составе сказуемого. Данное явление — особенность кезско-дебесской группы верхнечепецких говоров.

2.6. В кезских говорах центральной и южной частей Кезского района (пажманский, юскинский, удинский, зыгорский, полемский кусты) нередко выпадение анлаутного *й* суффиксальной морфемы перед гласными *э, а, о*, например: *коркаэ* (< *коркайэ*) 'мой дом', *узыэз* (< *узыйэз*) 'его (ее) земляника', *куноэ* (< *кунойэ*) 'в гости', *чыртыам* (< *чыртыйам*) 'на моей шее', *лымыа* (< *лымыйа*) 'идет снег', *узыан* ~ *узыаны* (< *узыйаны*) 'собирать землянику'. Примеры: *вэл'иктэмэ огмы дорыс'эн огмы к у н о э ётилис'ком вал* (Юр.) 'В Пасху друг друга (от одного к другому) мы в г о с т и приглашали'; *татын узы ёвёл но, у з ы а н но уг вэ-тскы* (Каб.) 'Здесь земляники нет, поэтому с о б и р а т ь з е м л я н и к у и не хожу'. Впервые это явление в исследуемых говорах (с. Юски Кезского района) было отмечено Б. И. Каракуловым (1982 : 106).

Довольно часто в подобных словах (за исключением глагольных форм) затем происходит регрессивная ассимиляция, когда гласные основы под влиянием последующего гласного ему уподобляются: кез. *тээ* (< *таэ*) 'это', *субботээ* (< *субботаэ*) 'в субботу', *т'ат'ээ* (< *т'ат'аэ*) 'мой отец'. Примеры: *братэ зькээ в о й н э э кошкиз* (СГья) 'Брат мой старший н а в о й н у ушел'; *х о з ' а й к э э мынам зэч, тан' с'эчас тодматско-ды* (Каб.) 'Ж е н а у меня хорошая, вот скоро познакомитесь (с ней)'. Нередко можно наблюдать также стяжение двух уподобившихся гласных: *коркэ* (< *коркээ* < *коркаэ*) 'мой дом; в дом', *коркэн* (< *коркээн* < *коркаэн*) 'домом'. Примеры: *б а б э татын мил'энымы улылиз пыр, но-кыт ёс кошкы* (Фок.) 'С в е к р о в к а м о я здесь с нами жила постоянно, никуда не уехала'; *та у л ' ч ы н улис'ко* (УЗяз.) 'Н а этой у л и ц е живу'. В среднечепецком и нижнечепецком диалектах данное явление не отмечается, но широко функционирует в других удмуртских диалектах, в частности, в срединных и южно-удмуртских говорах. В говорах верхнечепецкого диалекта требуется более детальное исследование его.

Таковы вкратце отличительные черты в фонетике северноудмуртских диалектов. Различия обнаруживаются в большей степени между нижнечепецким, среднечепецким диалектами, с одной стороны, и верхнечепецким, с другой. Наличие в нижнечепецких и среднечепецких говорах тех общих черт, которые не отражены в верхнечепецких говорах обусловлено, вероятно, во-первых, историческими причинами (более длительные контакты между собой) и, во-вторых, определенным воздействием бесермянского языка. Общность некоторых явлений могла быть вызвана и взаимовлиянием диалектов в результате миграции их носителей. Отличительные моменты в языке

верхнечепецких удмуртов, на наш взгляд, обусловлены историей формирования говоров в бассейне верхней Чепцы. Интенсивное заселение этого региона происходило в XVII в. М. Г. Атаманов, опираясь на материалы по расселению воршудно-родовых групп, отмечает, что переселенцами верховья Чепцы были удмурты с нижней и средней Чепцы, из центральной и южной Удмуртии, Арской земли (Атаманов 2005 : 47). Количественно превалирующее нижнечепецкое и среднечепецкое население определило язык верхнечепецких удмуртов как язык северноудмуртского типа, хотя имело место и влияние других групп удмуртов. Все это, естественно, в определенной степени сказалось на языковом своеобразии удмуртов этого ареала, в языке которых, наряду с общими северноудмуртскими чертами, сформировались свои «местные» особенности.

Address

L. L. Karpova

Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences

E-mail: karpovalud@rambler.ru

Сокращения

Удмуртские диалекты и говоры: **вч.** — верхнечепецкий диалект (верхнечепецкие говоры) северного наречия, **глаз.** — глазовский говор среднечепецкого диалекта, **деб.** — дебесский говор верхнечепецкого диалекта, **кез.** — кезский говор верхнечепецкого диалекта, **кож.** — кожильский говор среднечепецкого диалекта, **нч.** — нижнечепецкий диалект (нижнечепецкие говоры) северного наречия, **пон.** — понинский говор среднечепецкого диалекта, **сч.** — среднечепецкий диалект (среднечепецкие говоры) северного наречия, **южн.** — южное наречие, **юк.** — юкаменский говор среднечепецкого диалекта, **яр.** — ярский говор среднечепецкого диалекта;

Населенные пункты по северноудмуртским диалектам: среднечепецкий диалект: **Ад.** — д. Адам, **Ан.** — п. Андрейшур, **Байд.** — д. Байдалино, **Байр.** — д. Байран, **Бар.** — д. Бармашур, **Бач.** — д. Бачумово, **ВБог.** — д. Верхняя Богатырка, **ВСл.** — д. Верхняя Слудка, **ВУн.** — д. Верхние Уни, **Дзяк.** — д. Дзякино, **Диз.** — п. Дизмино, **Дон.** — д. Дондыкар, **Ел.** — с. Елово, **Ер.** — д. Ертем, **Зол.** — д. Золотарево, **Ис.** — д. Исаково, **Кач.** — д. Качкашур, **Кел.** — д. Кельдыково, **Кос.** — д. Костромка, **Коч.** — д. Кочишево, **Куз.** — д. Кузьмино, **Кыч.** — д. Кычён, **Лум.** — д. Лумпашур, **Мем.** — д. Меметово, **Мос.** — д. Мосеево, **Нел.** — д. Ново-Елово, **Оз.** — д. Озерки, **От.** — д. Отогурт, **Пор.** — д. Порово, **Пуд.** — д. Пудвай, **Пус.** — д. Пусошур, **Пыш.** — д. Пышкет, **СБез.** — д. Старый Безум, **Чаб.** — д. Чабырово, **Чур.** — д. Чурашур, **Ук.** — с. Укан, **Уш.** — д. Ушур; **верхнечепецкий диалект:** **Алек.** — д. Александрово, **ЗМед.** — д. Заречная Медла, **Каб.** — п. Кабалуд, **Кузьм.** — с. Кузьма, **Кул.** — с. Кулига, **НУн.** — д. Новый Унте́м, **Паж.** — д. Пажман, **Пол.** — с. Полом, **СГья** — д. Старая Гья, **Стен.** — д. Стеньгурт, **Уд.** — д. Уди, **УЗяз.** — д. Удмурт Зязьгор, **Фок.** — д. Фокай, **Юр.** — д. Юрук, **Юс.** — д. Юски.

ЛИТЕРАТУРА

- Алашеева А. А. 1982, Верхнечепецкие говоры I. — Образцы речи удмуртского языка, Ижевск, 91—105.
— — 1990, Общие (северноудмуртские) и частные (местные) особенности в фонетике верхнечепецкого диалекта удмуртского языка. — Материалы

- VI Международного конгресса финно-угроведов. Т. 2. Языкознание, Москва, 8—10.
- Атаманов М. Г. 2005, От Дондыкара до Урсыгурта. Из истории удмуртских регионов, Ижевск.
- Баталова Р. М. 1975, Коми-пермяцкая диалектология, Москва.
- Бушмакин С. К. 1968, Ассимиляция звуков в средневосточных говорах удмуртского языка. — СФУ IV, 269—284.
- Вахрушев В. М. 1959, Об особенностях говоров северного диалекта удмуртского языка. — ЗУдмНИИ, вып. 19, 228—241.
- Жилина Т. И. 1975, Верхнесольский диалект коми языка, Москва.
- — 1985, Лузско-летский диалект коми языка, Москва.
- Жилина Т. И., Бараксанов Г. Г. 1971, Присытывкарский диалект и коми литературный язык, Москва.
- Каракулов Б. И. 1982, Говор села Юски. — Образцы речи удмуртского языка, Ижевск, 106—115.
- Карпова Л. 1997, Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка, Тарту (Dissertationes Philologiae Uralicae Universitatis Tartuensis 2).
- Карпова Л. Л. 2005, Среднечепецкий диалект удмуртского языка. Образцы речи, Ижевск.
- — 2009, Особенности гыинского говора в контексте севернoudмуртских диалектов. — Чувашский язык и современные проблемы алтаистики I. Сборник материалов, Чебоксары, 215—218.
- — 2011, Кезские говоры в системе севернoudмуртских диалектов. — Динамика структур финно-угорских языков. Сборник научных статей, Сыктывкар, 98—106.
- — 2013, Лексика северного наречия удмуртского языка. Среднечепецкий диалект, Ижевск.
- Кельмаков В. К. 1977, Краткая характеристика кырыкмасских говоров южнoudмуртского наречия I. — Вопросы удмуртской диалектологии. Сборник статей и материалов, Ижевск, 26—61.
- — 1981, Образцы удмуртской речи. Северное наречие и срединные говоры, Ижевск.
- — 1985, К вопросу о болгарском субстрате в языке бесермян. — Вопросы диалектологии тюркских языков, Уфа, 114—122.
- — 1993, Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов, Ижевск.
- — 1998, Краткий курс удмуртской диалектологии. Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография, Ижевск.
- Лыткин В. И. 1964, Исторический вокализм пермских языков, Москва.
- — 1961, Коми-язвинский диалект, Москва.
- Насибуллин Р. Ш. 1973, Закамские говоры удмуртского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва.
- Сорвачева А. А. 1978, Нижневычегодский диалект коми языка, Москва.
- Тараканов И. В. 1960, Некоторые явления ассимиляции, элизии и вставки звуков в удмуртском языке (на материале бавлинского диалекта). — ККIU, 117—153.
- — 1964, К вопросу истории развития неслогового *й* в удмуртском языке. — Вопросы финно-угорского языкознания. Грамматика и лексикология, Москва—Ленинград, 75—82.
- Тепляшина Т. И. 1970, Нижнечепецкие говоры севернoudмуртского наречия. — ЗУдмНИИ, вып. 21. Филология, 156—196.
- — 1970а, Язык бесермян, Москва.
- Outila, T. 1933, Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen, Helsinki (MSFOu LXV).
- Wichmann, Y. 1901, Wotjakische Chrestomathie mit Glossar, Helsingfors.